**МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ**

**“ЗЕРЦАЛО ИСТИННОГО ПОКАЯНИЯ” ЯКОПО ПАССАВАНТИ:
ГРАНИЦЫ ЖАНРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРОПОВЕДИ**

© 2011 г. А. В. Топорова

В статье рассматривается жанровое своеобразие трактата доминиканского проповедника XIV в. Якопо Пассаванти “Зерцало истинного покаяния”. Построенный на основе цикла проповедей, он сочетает в себе особенности таких жанров, как проповедь, трактат или богословское сочинение, пример (*exemplum*), новелла. В заключении делаются выводы о нестабильности жанра средневековой проповеди, о ее связях с другими жанрами и тенденции сближаться с ними.

The article deals with the treatise “Lo specchio della vera penitenza” (“Mirror of the True Repentance”) by the 14th-century Dominican preacher Jacopo Passavanti from the standpoint of its genre. The treatise is based on a cycle of his sermons and combines elements of such genres as sermon, treatise or theological work, *exemplum*, and novella. The analysis allows to conclude that the medieval sermon as a genre manifests instability and, due to its connections with other genres, has a tendency to merge with them.

Ключевые слова: средневековая литература, литература Италии, поэтика жанра, проповедь, трактат, богословское сочинение.

Key words: medieval literature, Italian literature, poetics of the genre, sermon, treatise, theological work.

Якопо Пассаванти (ок. 1302–1357), вступивший в возрасте пятнадцати лет в доминиканский орден и проделавший в нем путь от послушника до генерального викария, приор церкви Санта Мария Новелла во Флоренции, изучавший философию и богословие во Флоренции и Париже, а потом преподававший их в Пизе, Сиене и Риме, известен как автор единственного произведения – трактата “Зерцало истинного покаяния” (“Lo specchio della vera penitenza”).

В основу трактата легли проповеди, прочитанные Пассаванти в церкви Санта Мария Новелла Великим постом 1354 г. Основная тема трактата, как и гласит название, – покаяние, которое автор анализирует в мельчайших подробностях. Он рассматривает природу покаяния, объясняет значение самого термина, перечисляет причины, способствующие покаянию, а также говорит о вещах, отвлекающих от него, анализирует его составляющие: сокрушение, исповедь, исправление. Особое место занимают в трактате рассуждения о гордости и смирении, непосредственно связанные с покаянием. Пассаванти исследует происхождение этих качеств, прослеживает их зарождение в душе человека, указывает на способы преодоления гордости и приобретения смирения.

Сама по себе тема покаяния является одной из центральных в религиозной литературе Средних

веков. Она звучит в подавляющем большинстве проповедей, в богословских сочинениях, в религиозных стихах (например, Якопоне да Тоди). Особенно подробно она рассматривалась в специальных учебных сочинениях, своего рода пособиях в помощь начинающим проповедникам. Типологически близки к ним и так называемые “суммы” пороков и добродетелей, наиболее известная из которых принадлежит перу французского доминиканца Гийома де Пейро.

Однако “Зерцало истинного покаяния” Пассаванти выделяется на общем фоне рядом особенностей. Прежде всего, следует отметить, что трактат написан на итальянском языке, вольгаре, а не на латыни, как большинство подобных сочинений. Это сознательный выбор доминиканского проповедника, ориентирующегося на широкую аудиторию итальянского города, далеко не всегда понимавшую латынь. Здесь Пассаванти следует установкам известных учителей проповеди, в частности, Иакова Витрийского, советовавшего к ученой аудитории, преимущественно к клиру, обращаться на латыни, а к малообразованным мирянам – на народном языке. В результате долгое время существовало латинско-романское двуязычие. Нередко проповедь, произнесенная на народном языке, записывалась на латыни; или, наоборот, что, правда, случалось значительно реже.

Известно немало примеров бытования одного и того же сборника проповедей на двух языках [1]. Из наиболее известных – проповеди Бернара Клервоского и Мориса де Сюлли, существующие в латинском и французском вариантах. Морис де Сюлли, похоже, сам перевел свои латинские проповеди на французский. В этой связи французский исследователь М. Зэнк говорит о двойном адресате проповедей: сами проповеди предназначались для народа, а сборники проповедей – для клириков, которые должны были перевести их на французский язык и прочитать перед народом. В подтверждение своего тезиса Зэнк указывает на двойное вступление, на латыни и на французском (французский вариант часто бывает упрощенным) [2, р. 140–142]. Умение проповедовать на двух языках высоко ценилось. Салимбене в своей “Хронике” удостоивает похвалы таких проповедников, как францисканец Джованни ди Пьян деи Карпини, доминиканец Альберто Пульта, францисканец фра Барнабо да Реджо, владевших этим искусством. Что же касается трактатов и многочисленных пособий для проповедников, то они составлялись на латыни. В этом отношении характерен случай Бернардино да Сиена, проповедовавшего на итальянском и параллельно сочинявшего богословские сочинения, трактующие те же темы, на латыни.

Однако, несмотря на выбор народного языка и ориентацию на широкую аудиторию, Пассаванти создал произведение, которое вряд ли можно отнести к “народной” литературе – и в этом заключается еще одна его особенность. “Зерцало истинного покаяния” свидетельствует о большой эрудиции его автора, постоянно цитирующего Ветхий и Новый Завет и ссылающегося, как на христианских (Августина, Иеронима, Иоанна Златоуста, Исидора, Григория Великого), так и на античных (Платона, Цицерона, Сенеку, Теренция, Овидия, Апулея) писателей. Кроме того, сама структура трактата свидетельствует о глубоко укорененном схоластическом образовании Пассаванти, знакомого с правилами построения проповедей, содержащимися в многочисленных *Artes praedicandi*, сочинениях по искусству построения проповедей. Трактат отличается продуманностью и стройностью построения, расчлененностью рассуждений, их четко выстроенной последовательностью и обоснованностью. После определения термина “покаяние” и общей характеристики понятия, за ним стоящего, Пассаванти выделяет пять основных аспектов (он называет их определениями, *distinzioni*), раскрывающих суть этого понятия. Каждое из них, в свою очередь, подвергается тщательной дифференциации, “анато-

мированию”. В своей страсти учесть малейшие детали, создать своеобразную “сумму” покаяния Пассаванти порой доходит до комических крайностей; например, говоря о качествах, необходимых для духовника, он перечисляет среди прочих и такие: духовник не должен быть паралитиком, эпилептиком, немым, глухим, а также фальшивомонетчиком и шутником.

Третья, и самая важная, особенность “Зерцала истинного покаяния” заключается в его жанровой неопределенности, точнее, в сочетании характеристик разных жанров. Применительно к нему можно говорить о трактате, проповеди, примере, новелле. По форме это трактат, в котором последовательно и методично раскрывается тема, указанная в заглавии. Текст изобилует цитатами, внутренними отсылками и связующими формулами, подчеркивающими логичность изложения материала, что напоминает стиль научных сочинений, ср.:

“La seconda cosa, che c'induce a penitenza, è il timor, e la paura del Divino Giudicio, il quale aspro e duro avrà a sostenere dopo la morte chi non provvederà di purgare i suoi peccati, mentrèché dura la presente vita. Quello, che purga i peccati è la penitenza, per la quale l'uomo se medesimo giudica, e fa giustizia di se, punendo i mali, che ha fatti. E per tal modo scampa l'uomo, e non ha a temere altro giudicio. Chè, come dice la Scrittura, Iddio non punisce due volte una medesima cosa. Anzi dice l'Apostolo messer santo Paolo: *Si nos metipsos judicemus, non utique judicaremur ...* Onde dice santo Gregorio: L'onnipotente Iddio e misericordioso giudice, ricevendo volontieri la nostra penitenza, nasconde dal suo giudicio i nostri falli. E però ci ammonisce santo Agostino e dice: Sali nella mente tua, quasi su una sedia giudicale, e poni te malfattore davanti da te giudice di te ... Vuol dire, che l'uomo giudichi se medesimo col giudicio della penitenza, acciocchè Iddio non ti ponga innanzi a se” [3, р. 30–31]. (“Второе, что приводит к покаянию, это страх, страх Божественного Суда, тяжкого и сурового, который предстоит человеку, не позаботившемуся очистить свои грехи, пока продолжается эта жизнь. А очищает грехи покаяние, которым человек судит себя сам, осуществляет суд над собой, осуждая грехи, совершенные им. Таким образом человек избегает другого суда и уже не должен бояться его. Ибо, как говорит Писание, Бог не наказывает дважды за одно и то же. И святой апостол Павел говорит: *Если мы сами себя судим, мы не будем более судимы...* Поэтому святой Григорий говорит: Всемогущий Бог и милостивый судия охотно принимает наше покаяние и прячет наши грехи от своего суда. А святой Августин предупреждает нас и говорит:

Взойди в уме своем как бы на судейское место и поставь себя как злоумышленника перед собой судьей... Это означает, что человек должен сам осудить себя судом покаяния, чтобы Господь не поставил тебя перед собой”).

Кроме того, внутри самого текста есть два самостоятельных трактата: о смирении и о гордости, каждый из которых построен по принципам, определяющим общую схему “Зеркала истинного покаяния”. Своеобразным приложением, не вполне органично связанным с основным текстом, являются рассуждения о науке – “человеческой” и “дьявольской” (причем граница между ними не всегда различима) – и небольшой трактат о снах, представляющий собой вульгаризацию (“переложение”) размышлений Тита Ливия на эту тему.

Теоретические рассуждения “Зеркала” иллюстрируются многочисленными примерами; их в тексте трактата сорок восемь. Они уравнивают написанную сухим “ученым” стилем теоретическую часть, в живой и яркой форме подтверждают верность высказываемых тезисов. Известно, что этот жанр широко использовался в проповедях, а также в дидактических сочинениях. В Средние века существовало большое количество специальных сборников, созданных в помощь проповедникам (ср., например, анонимную “Книгу подобий и примеров” – “Liber de similitudinibus et exemplis”; или сборник “Сумма примеров и подобий в помощь проповедникам” – “Summa de exemplis et similitudinibus per utilis praedicatoribus” доминиканца Джованни да Сан Джиминьяно, а также весьма популярный в XIV в. “Алфавит повествований” – “Alphabetum narrationum”, приписываемый доминиканцу Арнольду Льежскому). Как и подавляющее большинство средневековых проповедников, Якопо Пассаванти черпает свои образцы из “общего фонда”, как правило, указывая на источник.

Но если в проповедях примеры носили заведомо служебный характер, были лишь иллюстративным материалом, то в “Зеркале истинного покаяния” они приобретают самостоятельное значение, т.е. не просто помогают раскрыть мысль автора и убедить читателя в верности его доводов, но и образуют внутри текста трактата как бы самостоятельный текст со своими особыми задачами. Основная идея трактата – необходимость очищения сердца через покаяние – представлена Пассаванти в очень “жесткой” трактовке: Божественная справедливость требует искупления, и если человек не приложит к нему усилий, его ожидает Страшный суд. В примерах же атмосфера страха и страдания нередко оказывается смягченной

упованием на милосердие Божие. В одном из них повествуется о девушке, совершившей инцест, затем убившей свою мать и ставшей в результате на путь падшей женщины. Но как-то, потрясенная до глубины души услышанной в церкви проповедью, она искренне раскаивается в содеянном и исповедует свои грехи. Священник, принимающий исповедь, настолько поражен ее злодеяниями, что просит подождать ее в церкви, чтобы он мог обдумать, возможно ли простить такие злодеяния. В это время она внезапно умирает. Священник рассказывает прихожанам ее историю и призывает всех молиться о прощении ее. В этот момент раздается голос с неба: “Нет нужды молиться за эту женщину, она предстает Богу и сама молится за вас”. Таким образом, милосердие Божие снисходит к человеческому несовершенству. В другом случае приводится история монахини-ключницы, оставившей монастырь ради нечестивой жизни в миру. Когда же, по прошествии многих лет, она вновь возвращается в монастырь, чтобы принести там покаяние, обнаруживается, что все это время ее обязанности выполняла Богоматерь, чудотворная статуя которой находилась в монастыре. (Этот сюжет стал широко известным благодаря пьесе Метерлинка “Сестра Беатриса”).

Особый интерес вызвал у исследователей пример Пассаванти об угольщике из Невера, переключившийся с новеллой Боккаччо о Настаждо дельи Онести. Но, несмотря на сюжетные совпадения, идеологические установки у этих авторов разные: у Боккаччо осуждается жестокосердие дамы по отношению к возлюбленному, у Пассаванти внимание фокусируется на раскаянье [4, с. 290]. Здесь важен другой аспект: связь примера с новеллой, т.е. изменение его функции от назидательной к развлекательной. У Пассаванти этот процесс лишь намечается, нравоучительная задача остается преобладающей. Но при этом не исключается и момент удовольствия от удачно рассказанной истории, яркой, динамичной, впечатляющей читателя и надолго остающейся в памяти. Именно такую эволюцию пределал пример и в проповедях, из строго назидательного он приблизился к развлекательному. У Джордано да Пиза примеры служат цели убеждения и нравственного воспитания слушателей. Все они традиционны, заимствованы из того или иного источника. Сама форма представления материала несущественна, важно лишь его содержание [5]. У Бернардино да Сиена они исполняют не только назидательную, но и развлекательную функцию, приближаясь в этом к новелле и факетии. Им свойственны ирония, шутка. Они носят более индивидуальный характер [6]. Чаще всего Бернардино приводит случаи

“исторического” характера или опирающиеся на действительность. Отношение Джироламо Савонаролы к примеру особое; он использует его для подтверждения собственных идей, часто довольно субъективных [7, с. 96–113]. У Роберто да Лечче пример часто перерастает в анекдот, а у Мариано Дженнаццано он почти полностью утрачивает свой назидательный характер и служит цели убажить – как правило, весьма невзыскательным способом – аудиторию. Интересные наблюдения об эволюции примера в средневековой проповеди содержатся в статье В. Смирновой [8]. Исследовательница отмечает постепенное снижение его роли и объясняет это явление “простотой” и нарративным характером этого жанра, отсутствием в нем поэтической “тайны”, которую должны раскрыть читатели-слушатели.

Как упоминалось выше, трактат Пассаванти составлен на основе цикла проповедей, до нас не дошедшего. Живая речь, обращенная к слушателю и использующая все средства непосредственного воздействия на него – интонацию, мимику, жестикуляцию, частые восклицания, обращения и вопросы к аудитории, – превратилась в систематизированное и неизбежно схематичное представление материала по избранной теме.

Случай Пассаванти не является исключительным, перу проповедников нередко принадлежат религиозные трактаты. Так, доминиканский проповедник Джованни Доминичи, является одновременно автором сочинения “Наставления в семейных делах”, в котором он анализирует проблемы, вполне подходящие и для жанра проповеди: как следует относиться к телу, к душе, как пользоваться временными благами, как воспитывать детей. Многие из затронутых им тем встречаются и в его проповедях. Перу Доминичи принадлежит также “Книга любви и милосердия” (“*Libro d’amore e di carità*”), написанная им для монахинь венецианского монастыря Тела Христова. Она сближается с проповедью, помимо тематики, еще и своим особым риторическим, эмоциональным стилем, характерным именно для устной речи, призванной произвести непосредственное впечатление на

слушателей, увлечь их и овладеть их вниманием. То же можно сказать и о многих других религиозных сочинениях. У Доменико Кавальки, особенно в “Зерцале Креста” и “Плодах языка”, не только поднимаются типично проповеднические темы, но обосновывается и используется сходный метод “простого” изложения, делающий текст доступным для необразованной аудитории.

Таким образом, средневековую проповедь в целом можно охарактеризовать как нестабильный жанр с нечеткими границами, находящийся на периферии литературного пространства и стремящийся установить связи с другими жанрами. И трактат Якопо Пассаванти “Зерцало истинного покаяния” является убедительным примером этой тенденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bériou N.* L'avènement des maîtres de la parole. La prédication à Paris au XIIIe siècle. Paris (série Moyen Age et temps modernes 31), 1998.
2. *Zink M.* La prédication en langue romane avant 1300. Paris : Champion, 1982.
3. *Passavanti J.* Lo specchio della vera penitenza. Lugo, 1825.
4. *Топорова А.В.* Мистики и агиографы // История литературы Италии. ИМЛИ РАН: “Наследие”, 2000. Т. I. С. 281–305.
5. *Delcorno.* L'exemplum nella predicazione volgare di Giordano da Pisa. Venezia: Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, 1972.
6. *Tateo F.* *Exemplum* e facezia in S. Bernardino da Siena – Atti del Convegno storico bernardiniano in occasione del sesto centenario della nascita di S. Bernardino da Siena. L'Aquila, 1980. P. 141–153.
7. *Тельменко Е.П.* Религиозно-философские и социально-этические аспекты проповеднической деятельности Джироламо Савонаролы и их влияние на флорентийское общество конца XV в. Дисс. канд. исторических наук. Ставрополь, 2003.
8. *Смирнова В.В.* Flatter les érudits et instruire les simples: le rôle de l'*exemplum* dans le système des styles médiévales // Кентавр. N 7. С. 98–108.